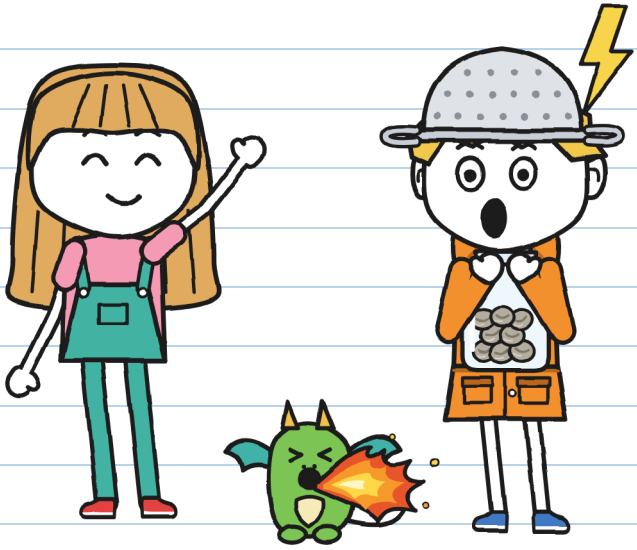
НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Lui Eriksson



(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР L
Продвинутый уровень · 11+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Текст и иллюстрации: Lui Eriksson

РАЗМЕР L · Продвинутый уровень · 11+

Русская версия: LinguAula

Первое издание: 2026

© 2026 Lui Eriksson · info@linguaula.com

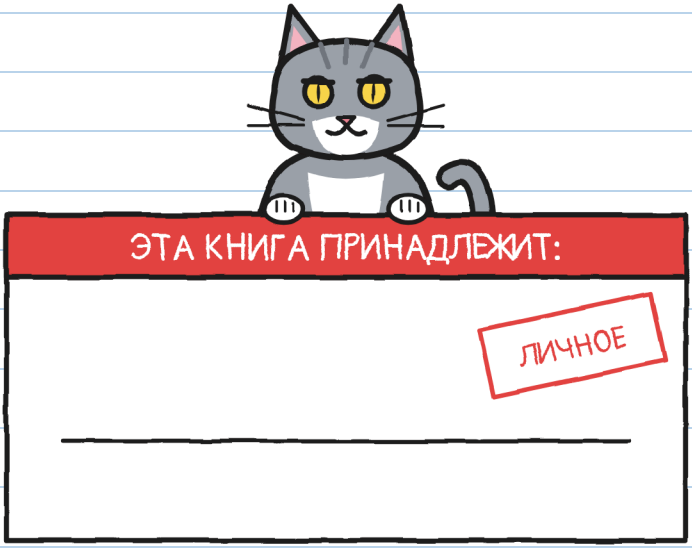
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Вторая книга серии. Первая: «Эта посылка кусается».

LinguAula

Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один гром не пострадал при написании этой книги. —Ю.



И больше никому. —Ю.

Если найдёшь её, не открывай до грома.

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: ты так не делай. Если это длится несколько страниц, там написано ОТСЮДА и ДОСЮДА. В настоящую грозу главная — страница 76. —Ю.

КТО ЕСТЬ КТО

Гуни. Субботний курьер. Охотник за грозами (более или менее). Эта тетрадь — его.

Юля. Считает секунды между молнией и громом. Пишет зелёным и подписывается Ю.

Крошка. Малышка-дракон. Всё повторяет за Гуни. Всё.

Тоньо. Развозит заказы для «МОЛНИИ» на велосипеде. За десять минут или бесплатно.

Флора. Садовница с Канальной улицы, 9. За камни не расписывается.

Вера. Ухаживает за драконами в Доме Драконов, рядом с домом Флоры. Крошка живёт с ней.

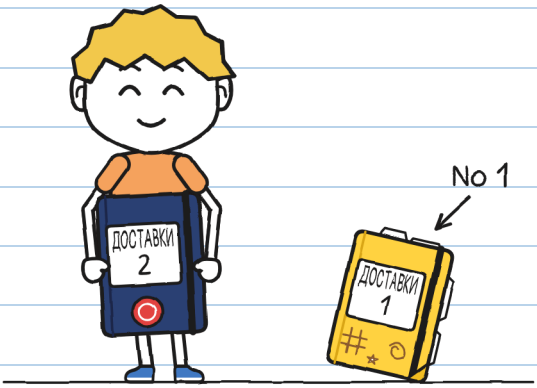
Мара. Хозяйка «Невозможных доставок». Носит ведьмину шляпу. Знает больше, чем говорит.

R. Присылает посылки, которые никто не может доставить. Имя никто не называет.

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 2
Гуни

ОФИЦИАЛЬНАЯ.

«Официальная» значит, что я читаю её первой. Официально. —Ю.



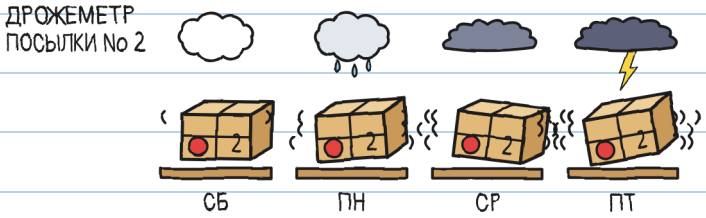
Тетрадь No 1 у меня закончилась: она вся исписана. Эту мне дала Мара, хозяйка магазина, с печатью магазина на обложке. Она говорит, что в официальных тетрадях не рисуют. Это мы ещё посмотрим.

ГЛАВА 1

Охотник за грозами

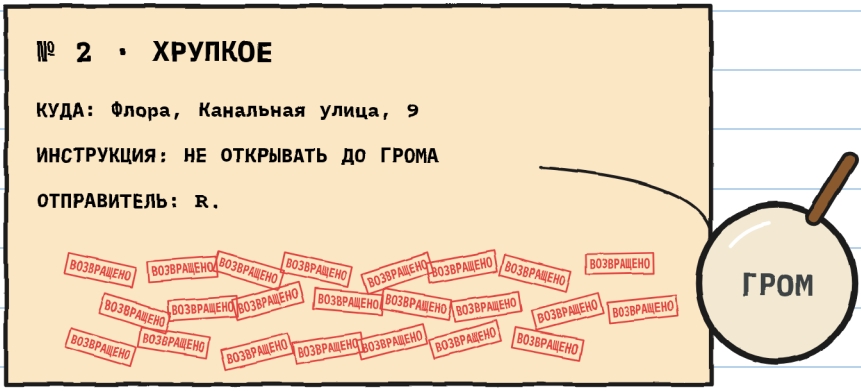
В магазине у Мары есть посылка, которая дрожит. Она дрожит с прошлой субботы, и всё сильнее. Я решил её не трогать. Последняя посылка, которую мы с Юлей доставили, была яйцом; теперь это малышка-дракон по имени Крошка, и она всё за мной повторяет.

В магазине напротив моего дома осталось девятнадцать возвращённых посылок. Одна, похоже, устала ждать.



Дрожит не от страха: идёт гроза. В субботу, в шесть вечера. Я шесть раз проверила прогноз. —Ю.

Возвращённые — это посылки, которые всегда возвращаются: если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются (как у зелёного фломастера Юли), на рассвете они прилетают обратно на свою полку. Все их присылает один и тот же человек: R.



На посылке No 2 было двадцать три штампа ВОЗВРАЩЕНО.

Двадцать три. Я пересчитала дважды. —Ю.

— Я сама носила её двадцать три раза, — сказала Мара. — И ни разу в грозу.

В субботу, в десять, Мара ждала нас за прилавком с посылкой No 2 в руках. Тоньо был уже там: по субботам мы втроём наказаны и сидим в магазине за то, что доставили посылку No 1 без разрешения.

— Эту, — сказала Мара, — доставите вы. Сегодня вечером.

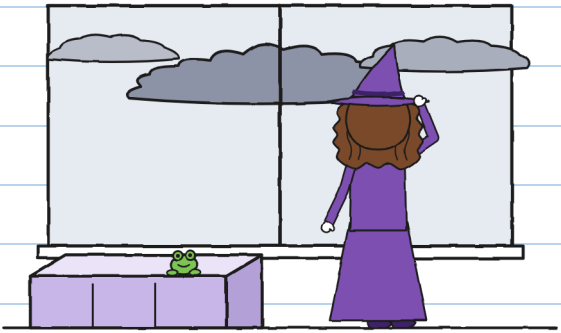
Юля подпрыгнула так высоко, что чуть не достала до таблички ОСТАЛОСЬ 19.

Мара поставила три условия и пересчитала их по пальцам:

1. Выходите в пять, пока не началась гроза, и сидите у Флоры, пока она не кончится.
2. Ваши семьи уже знают, и Флора тоже.
3. Правило то, что на этикетке: не открывать до грома. И гром должен быть над головой: далёкие не считаются.

— А вы не идёте? — спросила Юля.

— У меня тут дела, — сказала Мара и посмотрела через витрину на небо, которое становилось серым.



Какие дела? —Ю.

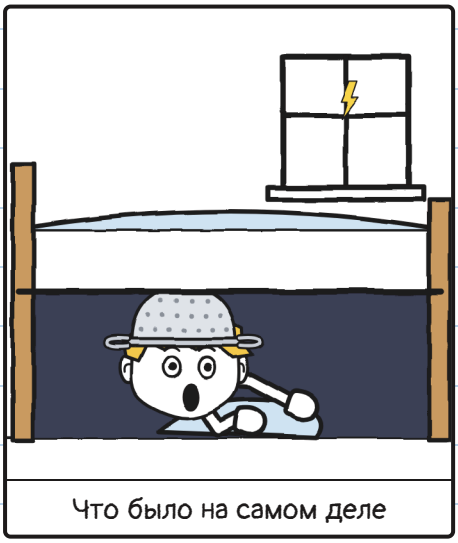
Тут Юля посмотрела на меня.

— А тебе нравятся грозы?

И я сказал то, что говорят, когда на тебя так смотрят:

— Обожаю. В моём прежнем районе я был профессиональным охотником за грозами.

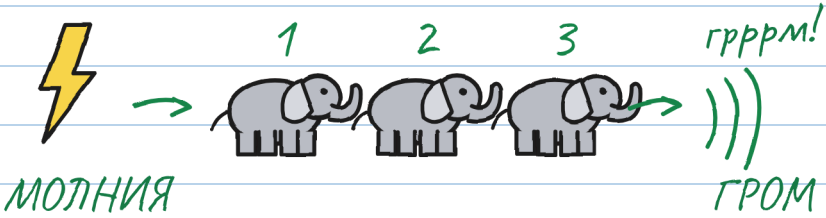
Что я сказал



Что было на самом деле

Профессионал из-под кровати. —Ю.

Юля научила меня считать грозу. В моей тетради, без спроса, как всегда:



один слон, два слона, три слона...

1 слон = 1 секунда

3 слона = 1 километр (примерно)

0 слонов = НАД НАМИ!

↖ Это гром с этикетки.
Далёкие не открывают посылку.

Больше слонов: эта молния ударила дальше.

Если слышишь гром, даже далёкий: в укрытие!

Что знаешь, того меньше боишься. —Ю.

Мне не нужно было ничего считать, ведь я обожаю грозы. Но я всё равно записал, на всякий случай.

Тоньо прочитал этикетку у меня из-за плеча и показал нам мелкий шрифт на своём рюкзаке.

— «МОЛНИЯ» не доставляет в грозу.

— Грозы ведь ещё нет, — заметила Юля.

Тоньо перечитал мелкий шрифт. Про «ещё» там не было ни слова. И он пошёл с нами.

Мелкий шрифт — большая отговорка. —Ю.

В пять я перебежал к себе домой за дождевиком.

— Надень оранжевый, — сказала мама с порога. — Ты точно хочешь идти? Ведь ты, когда гремит...

— ПОКА, МАМА!

«Ведь ты, когда гремит...» ЧТО? —Ю.

Мы перешли Большой мост, который ночью разводят, пропуская корабли; небо чернело всё сильнее. Посреди моста Юля очень серьёзно помахала воде рукой: они с каналом не ладят.

Далеко-далеко небо вспыхнуло. Юля насчитала тридцать слонов, прежде чем что-то услышала. Грррм.

— Эта молния ударила километрах в десяти, — сказала она. — По прогнозу гроза будет к шести.

— Прогремело! — сказал Тоньо. — Уже можно открывать?

— Этот посылку не открывает, — сказала Юля. — Нужен гром с этикетки: он гремит вместе с молнией, ноль слонов. Но и этот слышен — в укрытие!

Мы побежали на Канальную улицу. Я притворился, что грома не слышал.

— Это что, ик? — спросила Юля.

— Нет, — сказал я. — Ик!

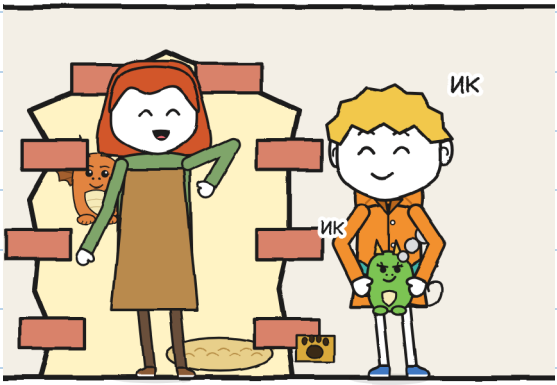
У меня это с детства, но только от грома: после каждого раската — икота, «ик» каждые три секунды, и над головой грозы я не остановлюсь. Это не страх. Тело делает это само, не спрашивая меня.

Это называется страх. —Ю.

Вера уже ждала нас у двери Дома Драконов, рядом с домом Флоры, держа Крошку на руках: по субботам Крошка гуляет со мной.

— Только до дома Флоры: это её первая гроза, — сказала Вера и передала её мне. — Она повторяет за тобой всё, Гуни. И то, что ты чувствуешь. Если она испугается, не тяни её: она цепляется. Когда гроза кончится, три удара по ограде — и я приду за ней.

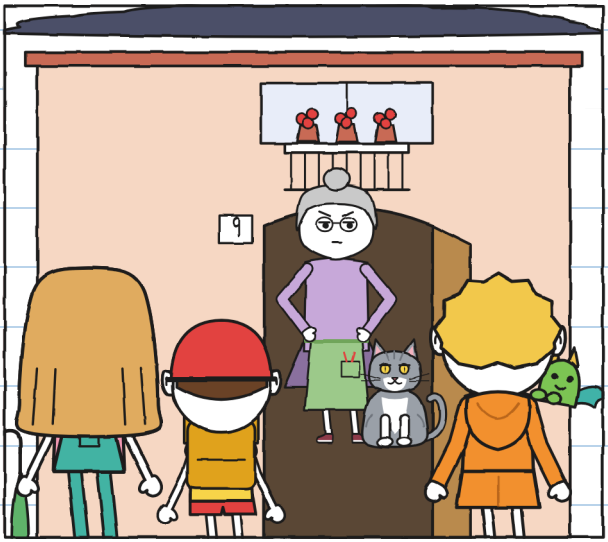
— Я ничего не чувствую, — сказал я. — Я обожаю грозы.



Вдали прогремел гром. Я икнул. Крошка икнула, и у неё из носа пошёл дым.

— Внутрь, быстро, — сказала Вера.

Дом Флоры — тот, что с геранями: с балконом, с которого на нас смотрела какая-то женщина две субботы назад, когда мы искали дверь Дома Драконов. Эта дверь похожа на стену.



Флора открыла дверь раньше, чем мы постучали. Посмотрела на коробку. Посмотрела на небо. Посмотрела на Крошку.

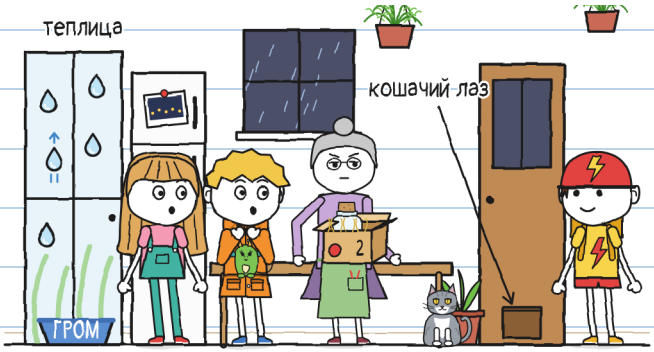
— Малышка Веры. Лишь бы не спалила мне папоротники, — сказала она. — Проходите, сейчас польёт. Но предупреждаю: за камни я не расписываюсь.

ГЛАВА 2

Гром!

Кухня Флоры вся в растениях: на столе, на полу, под потолком. В глубине стеклянная дверь ведёт в теплицу, а задняя, с кошачьим лазом, — во двор. Тоньо загнал велосипед в коридор, чтобы он не мок. На стекле теплицы были нарисованные капли. Одна доползла до рамы. Следующая её обогнала.

— Заколдованные стёкла от R., — сказала Флора. — Пропускают дождь, когда я хочу. Молнии — никогда.



Я посмотрел на коробку No 2. Выходит, доставлять кое-что у R. всё-таки получалось.

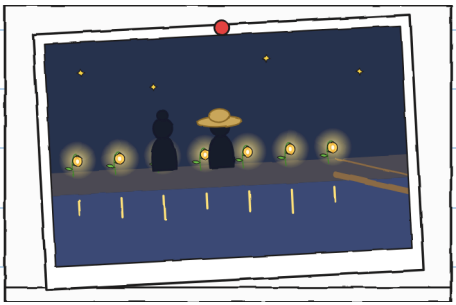
Флора поставила коробку на стол и открыла её, ни у кого не спросив. Внутри, среди соломы, лежала стеклянная банка с восемью серыми шариками.

— Там написано: не открывать до грома! — закричала Юля.

— Я открыла коробку, а не банку, — сказала Флора. — Что внутри, я и так знаю: мне от R. обещали фонарницы, а присылают камни.

— А что такое фонарница? — спросил я.

Флора отлепила от холодильника старую фотографию: набережная канала ночью, с рядом огоньков на берегу.



— Это растения, хранящие свет молний, — сказала Флора. — Ночью они отдают его обратно.

— Их сажали вместе с R.?

— Семена привозили проснувшимися, землю насыпала я. Спящих — никогда.

— А фонарницы?

— Погасли. Приходить перестали. Теперь присылают вот это.

Поэтому ночью канал тёмный, а мостик страшен.

Страшно было. Мне — очень: шла в темноте. —Ю.

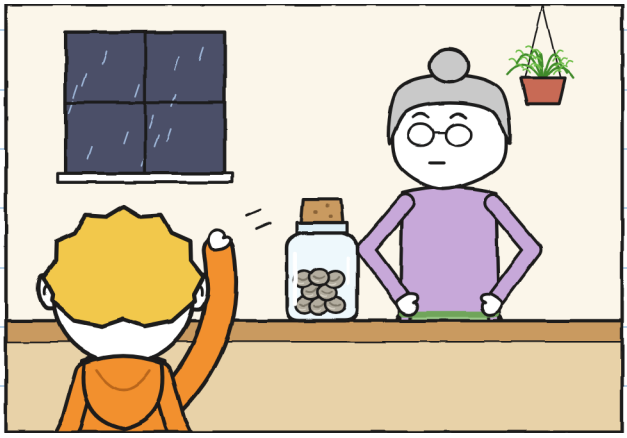
— R. всегда держит слово, — сказала Флора. — Поздно, но держит. А с этим — нет: двадцать три раза мне приносили эту банку, и двадцать три раза в ней были камни.

Я подумал об этикетке. Я знал её наизусть, вместе с инструкцией.

— А вы когда-нибудь ждали грома, чтобы её открыть? — спросил я.

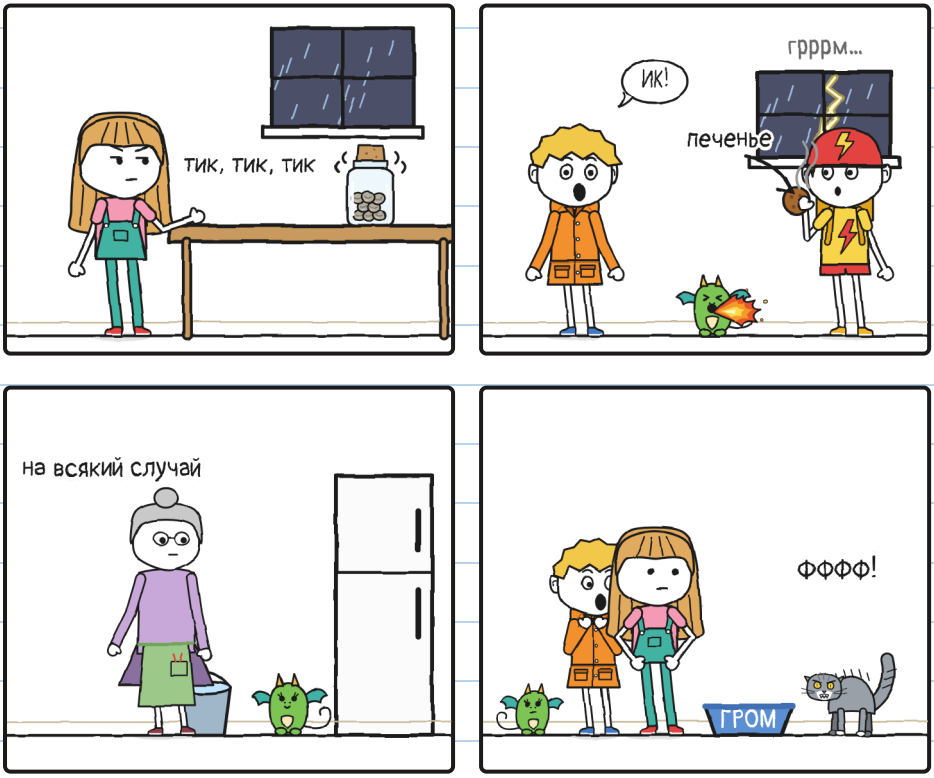
Флора посмотрела на меня так, будто я спросил, мокрая ли вода.

— Я никого не жду, — сказала она. — Даже грома.



Кота Флоры зовут Гром: имя написано на его миске. Он серый, как туча, и мурлычет, как настоящий гром.

Пока мы ждали грозу, на кухне случилось всё и не случилось ничего:



Хуже всего в грозе — ждать грома. —Ю.

Банка позвякивала на столе всё громче. Юля считала вполголоса: «Двенадцать слонов». «Девять».
Под столом её нога вела другой счёт.

— Ты дырку в полу протопчешь, — сказал я.
— Я считаю.
— Тогда скажи ноге. Она обгоняет.
Тут Крошка выпустила ещё один огонёк, и Гром пулей вылетел через кошачий лаз во двор. Флора открыла заднюю дверь и закричала с порога:
— ГРООООМ!

И Юля открыла банку.

— Прогремело! — сказала она.

Грома не было. Это кричала Флора. Гром — это кот.

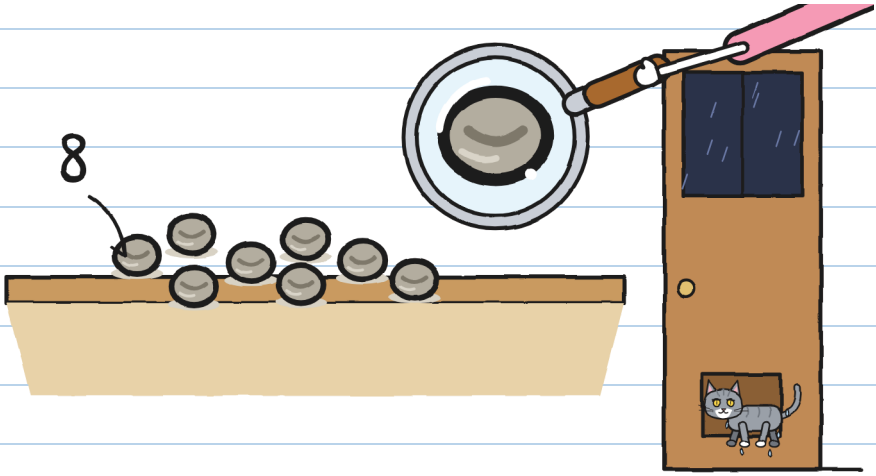
Я услышала «ГРОМ!» — именно то, чего ждала. Никто не сказал мне, что это кот. —Ю.

Я записал это на странице 17.

Эту страницу я прочитала потом. —Ю.

Когда банку открыли, она перестала позвякивать. Внутри лежали всего лишь восемь серых шариков, холодных и неподвижных. Юля высыпала их на стол, чтобы рассмотреть в лупу.

— У них есть чёрточка, — сказала она. — Как закрытый глаз.



Гром вернулся сам, через кошачий лаз, весь промокший, и Флора закрыла дверь.

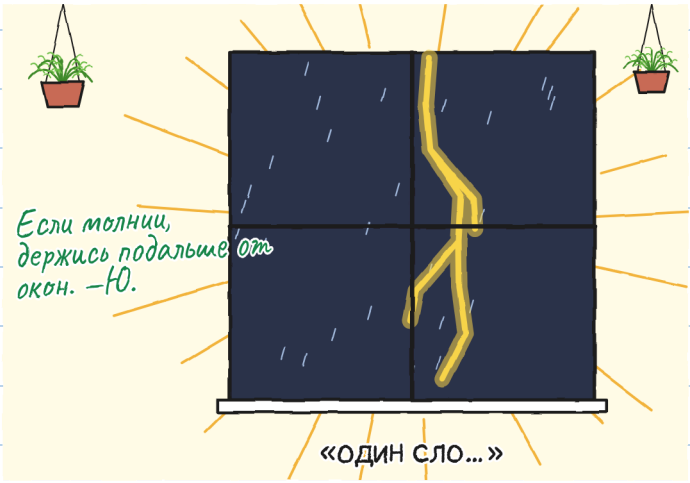
— Камни. Как всегда, — сказала она и посмотрела на Юлю.

Юля стала цвета своей футболки.

— Они спят, — сказал я. — Это не камни, а семена. Потому там и написано «не открывать до грома». Может, их разбудит гром. Большой, от которого дрожат стёкла.

Флора помолчала. Потом сказала:
— Если это семена, пусть докажут.

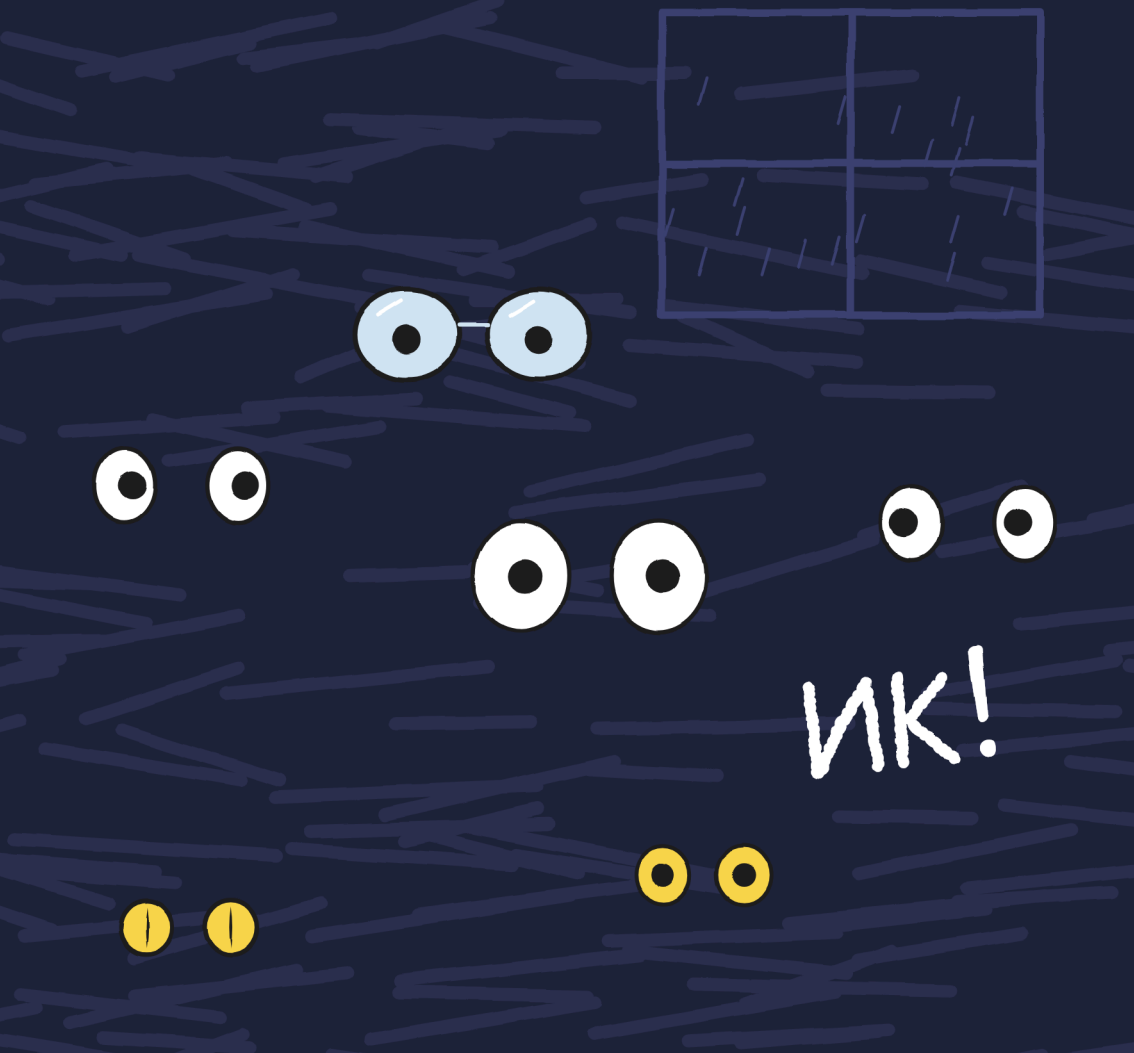
На улице уже почти стемнело, хотя было всего шесть.
Молния. Юля начала считать:



И тут пришёл настоящий.

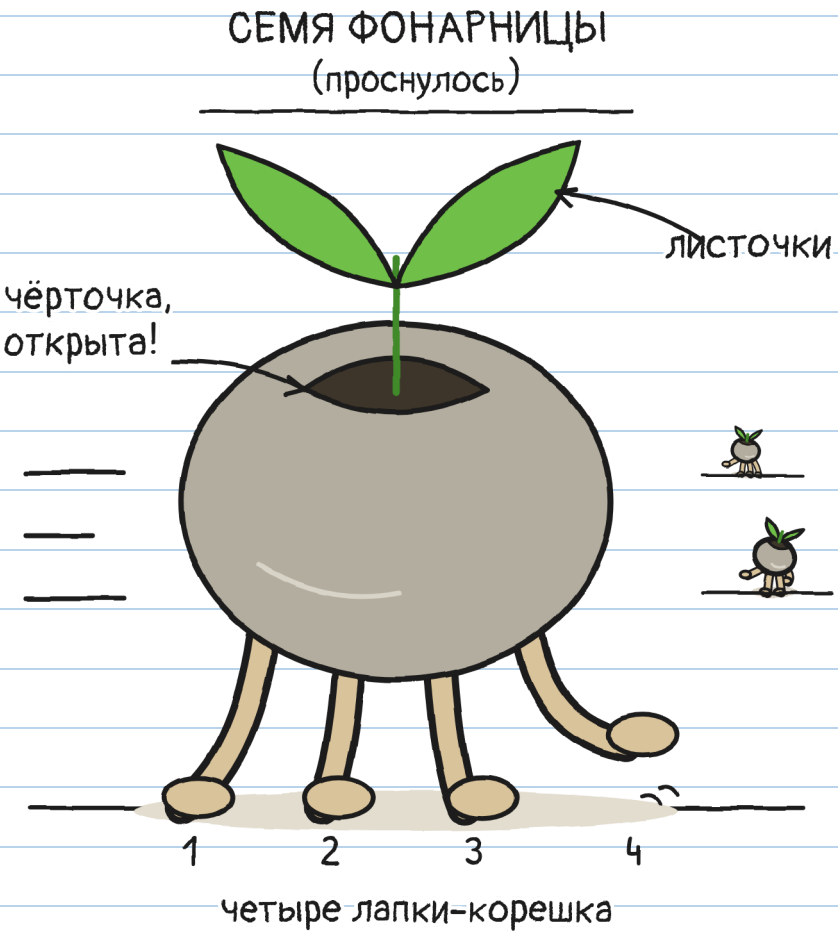
Гром ударил одновременно с молнией: гроза была прямо над нами. Задрожали стол, стаканы и стёкла.

И погас свет.



Я икнул. Крошка икнула, и из неё вырвалась струя пламени. Секунду была видна вся кухня.

Стол был пуст.



У камней были лапки.

И спешка. —Ю.

ГЛАВА 3

Двигаются, когда не смотришь

В темноте слышался шорох мелкого дождика: тик, тик, тик. Когда снова блеснула молния, семена были уже дальше. И неподвижные. Совсем неподвижные. Будто ничего и не делали.

Они бежали быстро, но каждая молния их останавливала, а молний было много. Я смотрел на них из-под стола. На мне был дуршлаг Флоры, который висел на гвозде: дома, когда гремит, я надеваю такой.

Это «Море волнуется». Только с семенами. —Ю.

Флора навела фонарик на одно семя. Семя застыло на полу. Когда она направила его на другое, первое воспользовалось этим и убежало.

— Это семена! Они проснулись! — закричала Флора.

Впервые она, кажется, радовалась, что кто-то бегает по её кухне.

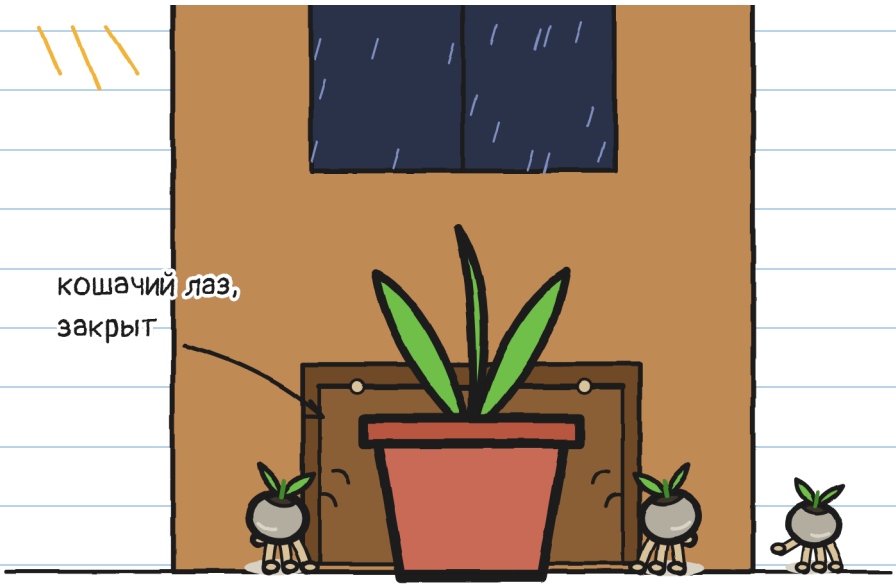
— Нам нужен ещё один фонарик, — сказал я.

— Тогда придумай что-нибудь другое. У меня только этот.

Восемь семян и один фонарик. Второе семя тоже убежало.

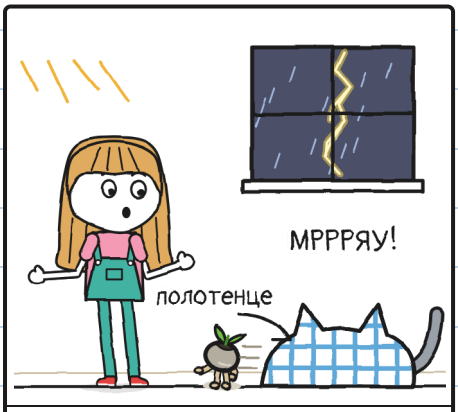
Все бежали к кошачьему лазу.

— Они ищут землю, намокшую в грозу, — сказала Флора и поставила перед лазом огромный горшок. — В доме есть только земля, политая водой из-под крана, в теплице тоже, а такая им не годится. Снаружи её почти нет: плиты, дорожка и канал. Если они выйдут, дождь смоет их в воду.



Лаз был закрыт. Но теперь семена были по всей кухне, в темноте, а на кухне сотня мест, где можно спрятаться.

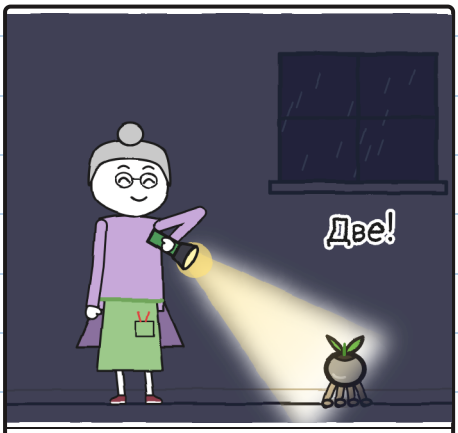
Мы попробовали всё:



Юля, с полотенцем: поймала Грома.

Тоньо, голыми руками: Гром поймал его.

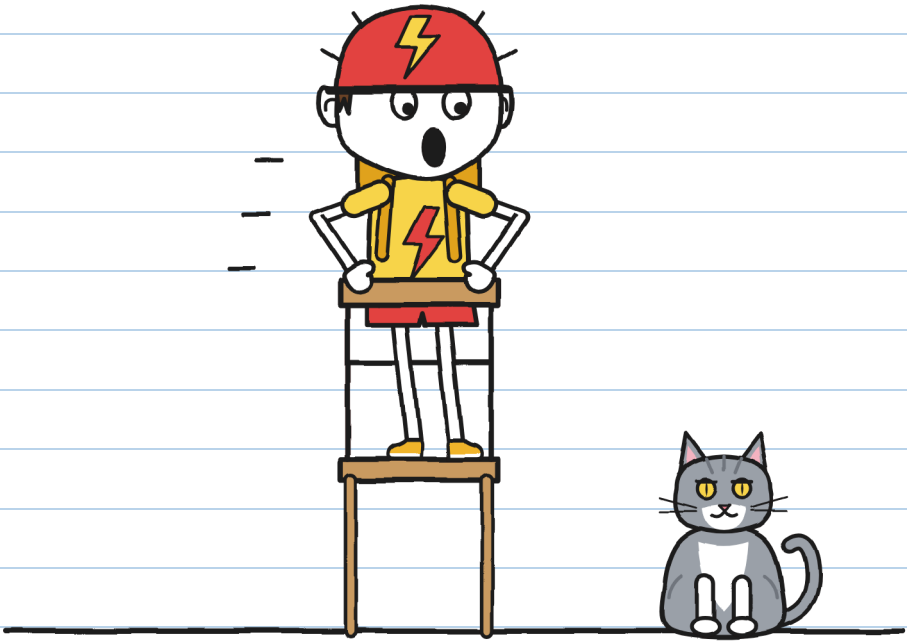
Крошка, с пламенем: одна!



Флора, с фонариком: две!

Гром тоже за ними гонялся. Он почти в темноте видит. Мы — нет.

Тоньо не боится гроз. Тоньо боится кошек.



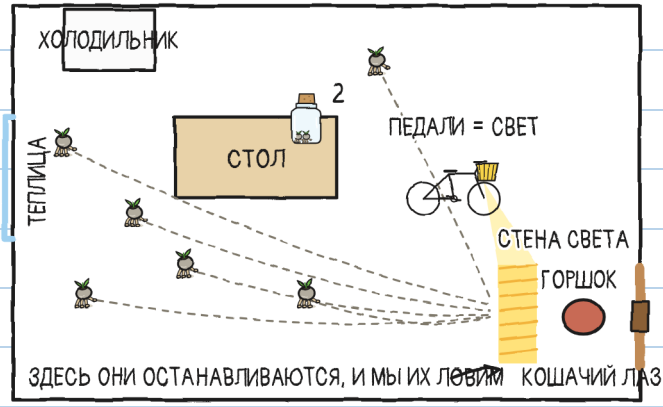
— Да это не кот! — сказала ему Юля. — Это Гром!

— ЕЩЁ ХУЖЕ!

Два испуга, а имя одно. —Ю.

Я сидел под столом, надев дуршлаг. При каждой молнии я видел весь пол и кое-что заметил: семена бегали по кухне кругами, но всегда возвращались толкать горшок у лаза.

Гоняться за ними не надо было. Мы знали, куда они пойдут.



Я нарисовал план.

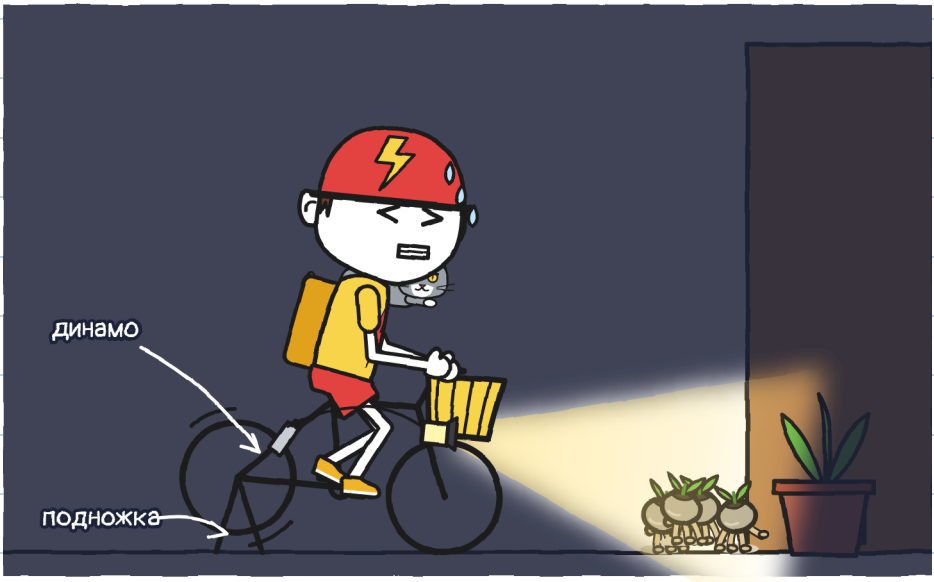
— Тоньо, твоя фара загорается, когда крутишь педали?

— Конечно.

— Значит, сегодня ты будешь доставлять свет.

Мы поставили велосипед на подножку, фарой к кошачьему лазу. Динамо «МОЛНИИ» прижато к заднему колесу: крутится — горит свет. И Тоньо закрутил педали.

Он крутил педали, как никогда в жизни. Особенно когда Гром прыгнул ему на колени.



Наконец-то «МОЛНИЯ» на что-то годится. —Ю.

Семена добегали до света и замирали на цыпочках, как пойманные с поличным. Мы собирали их в банку одно за другим. Три. Четыре.

Гром поймал ещё одно ртом, и Флора вытащила его двумя пальцами.
— Пять! — сказала она.

Шесть.

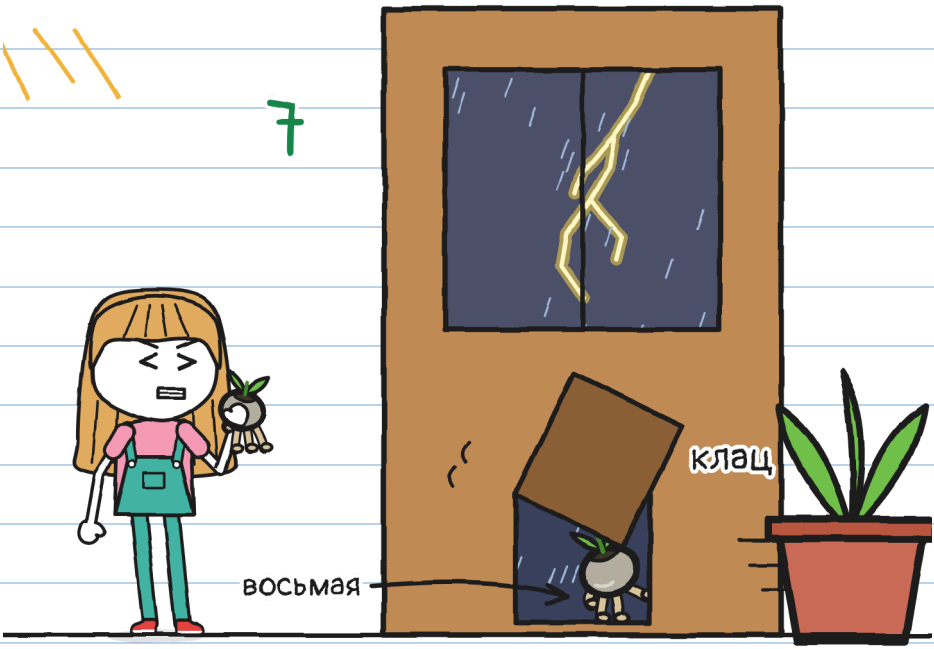
Флора закрыла банку крышкой, чтобы ни одно не убежало, и нагнулась помогать нам. Тут Гром прыгнул на стол и опрокинул её.

Тоньо поймал её на лету, не дав упасть на пол.
— «МОЛНИЯ», — сказал он. — За секунду или бесплатно.

Но он перестал крутить педали, и свет погас. А Грома не остановить: он пулей бросился к лазу.

В темноте: тик, тик, тик. Гром толкнул горшок: скрип. А лаз сказал клац.

Когда снова сверкнула молния, на полу осталось одно-единственное семя, и Юля его поймала. Семь.



Восьмое ушло через кошачий лаз.

— Я за ней! — сказала Юля, уже схватившись за дверную ручку.

— В грозу из этого дома никто не выйдет, — сказала Флора и встала перед дверью. Спорить она не собиралась.

Юля не спорила. Но ручку не отпустила.

Через некоторое время лаз сказал клац. Это был Гром, промокший. Без восьмого.

— Молния... один слон, два слона.

Грррм.

— Два, — сказала Юля. — Всё ещё очень близко.

— А теперь сажать их, — сказала Флора. — Пока гроза не ушла. И в темноте.

— Во время молний? — спросила Юля.

Флора проверила капли, ползущие вверх по стеклу.

— Чары всё ещё действуют. Молнии остаются снаружи. А мы — внутри.

Потом повторила «В темноте», глядя на Крошку.

Крошка посмотрела на меня. И икнула.

ГЛАВА 4

Ик

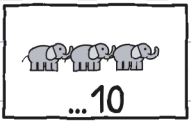
Флора объяснила нам, как сажают фонарницу, — так ей это показали от R. Я записал это почерком официальной тетради:

КАК САЖАТЬ ФОНАРНИЦУ

1.
Земля, намокшая в грозу.
(Из-под крана не годится.)

2.
Открыть банку над землёй.
(Если открыть раньше, разбегутся.)

3.
Всё в темноте: они сами зарываются в землю.
(Если заколать самому, не прорастут.)

4. 

Пока не ушла гроза:
если больше десяти слонов,
до следующей грозы уже не посадить.

Чтобы разбудить — ноль слонов. Чтобы посадить — до десяти. Одиннадцать — и спать. —Ю.

Флора повернула рукоятку на потолке. Окно не открылось: это нарисованные капли перестали ползти вверх и поползли вниз по стеклу. Дождь прошёл сквозь стекло, словно его там не было, и упал на грядку — длинный стол, полный земли.

— Всё на грядку. Ни капли на пол, — приказала Флора дождю.

Эти стёкла бывают только в сказке. В настоящую грозу — никаких теплиц (страница 76). —Ю.

— Земля, намокшая в грозу, — сказала она. — А теперь всё в темноте.

Но Крошка уже была внутри: она проскользнула между ног Флоры, когда та открывала дверь, и никто не заметил. Она сидела под грядкой среди горшков.

Флора осторожно потянула её. Крошка вцепилась в горшки всеми четырьмя лапами. Вера нас предупреждала.

И каждый раз, когда я икал на кухне, в теплице вспыхивала Крошка.

Я нарисовал это, чтобы разобраться:

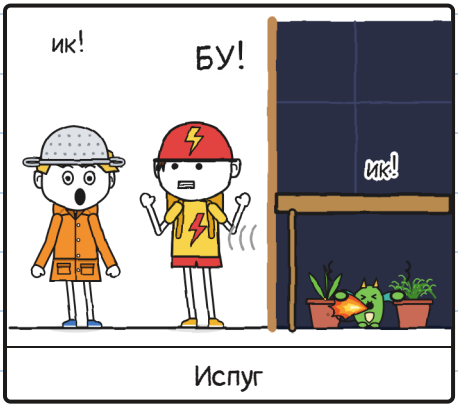
На кухне икота нам помогала: вспышка пламени, замершее семя, пойманное семя. В теплице она нас подводила: при вспышке пламени каждые три секунды там ни разу не было темно так долго, как нужно семенам, чтобы зарыться в землю.

Цепочку надо разорвать. Легче всего это сделать на звене «ты». С любовью. —Ю.

Мы перепробовали все средства от икоты:

Задержать дыхание

Пить вниз головой



Испуг

Сахар

Крошка повторила их все, по одному, не отпуская своих горшков.

Средств: ноль. Иков: много. —Ю.

— Четыре слона. Пять.

Прогремел гром. Юля сказала, что эта молния ударила дальше.

Семь семян кружили в банке, ища выход. Я всё ещё икал.

— А если мы досчитаем до одиннадцати? — спросил я.

Юля посмотрела на лапки, прижатые к стеклу.

— Опять камни.

Потом посмотрела на меня.

— Крошка повторяет твой страх, — сказала Юля.

— Пусть повторяет что-нибудь другое, — сказал я.

Я икнул, и под грядкой вспыхнуло пламя. Крошка не собиралась менять решение.

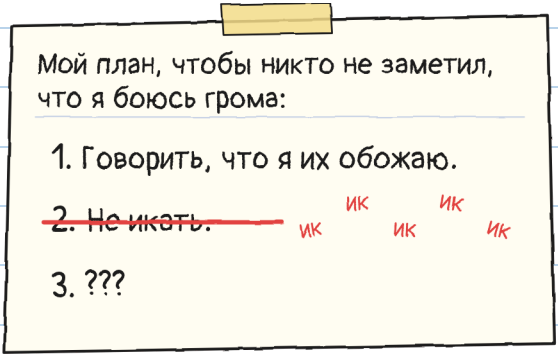
— А если вынести её на кухню? — спросил я.

— Она цепляется. Ты же видел.

Юля понизила голос.

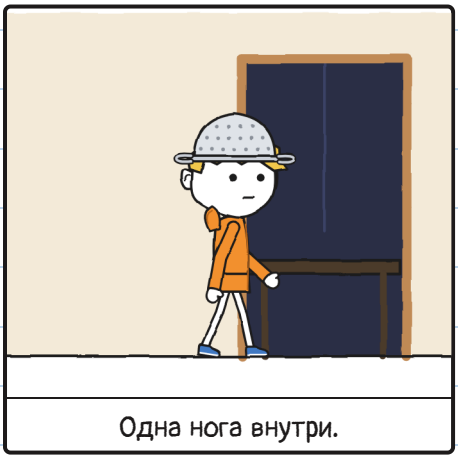
— Сначала побудь с ней.

У меня не было средства от страха. Был только план, чтобы страха не было видно, и он перестал работать:

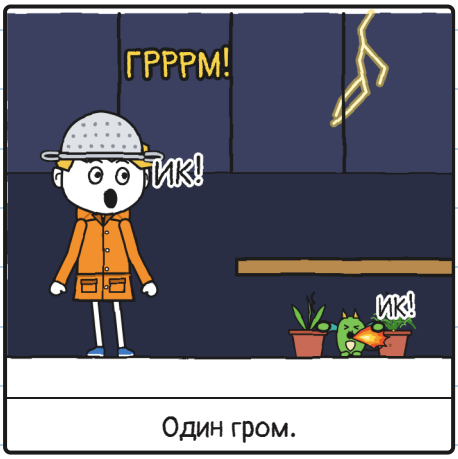


А третий? —Ю.

Я старался. Правда.



Одна нога внутри.



Один гром.

И снова на кухне.

В теплице гром слышнее всего во всём районе.

От двери я посмотрел вверх, сквозь стеклянную крышу. И между вспышками молний увидел их высоко над крышей: драконов Веры, летящих в самой грозе. Они вылетают, когда никто не смотрит вверх. Поэтому Вера не пошла с нами: в грозу она остаётся дома и присматривает за ними.

Они не икали.

— Идём, охотник, — сказал Тоньо.

Я ждал, что он засмеётся. Он не засмеялся.

Я снял дуршлаг и отдал Флоре, а она взяла его за ручки, как настоящую каску.

И я вошёл.

Дуршлаг не остановит молнию. А страх — иногда останавливает. —Ю.

Внутри дождь звучал так, будто тысяча пальцев барабанила разом. Я заполз на четвереньках под грядку. Крошка была там, свернувшись клубком и дрожа так же, как я.

ГРРРМ! Я икнул. Крошка икнула. Вспышка пламени осветила нас обоих.

Нас было двое — два охотника за грозами под грядкой.

Тут от двери Юля заговорила тихо, не смеясь:

— Рассчитывай на меня.

ГЛАВА 5

Рассчитывай на меня

И мы стали считать. Она — у двери, а я — под грядкой, и Крошка дрожала, прижавшись к моему дождевику.

Молния.

— Один слон. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Грррм.

— Шесть — примерно два километра, — сказала Юля. — Эта молния ударила дальше. Мы всё ещё в укрытии.

Я досчитал шесть слонов, а страх остался со мной.

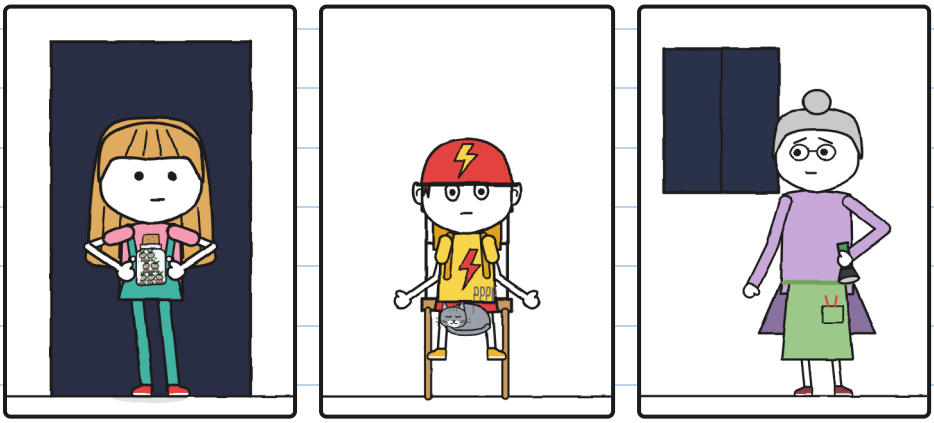
Двойное «я обожаю грозы» не сработало. Крошка повторяла не то, что я говорил, а то, что со мной происходило.
Она посмотрела на меня. На этот раз я не стал искать отговорку.

— Я боюсь грома.

— Я знаю, — сказала Юля. — Ты нарисовал это сегодня утром, на странице 6. Я тебя ждала.

— А я боюсь кошек, — сказал Тоньо; Гром спал у него на коленях, и Тоньо не решался пошевелиться.

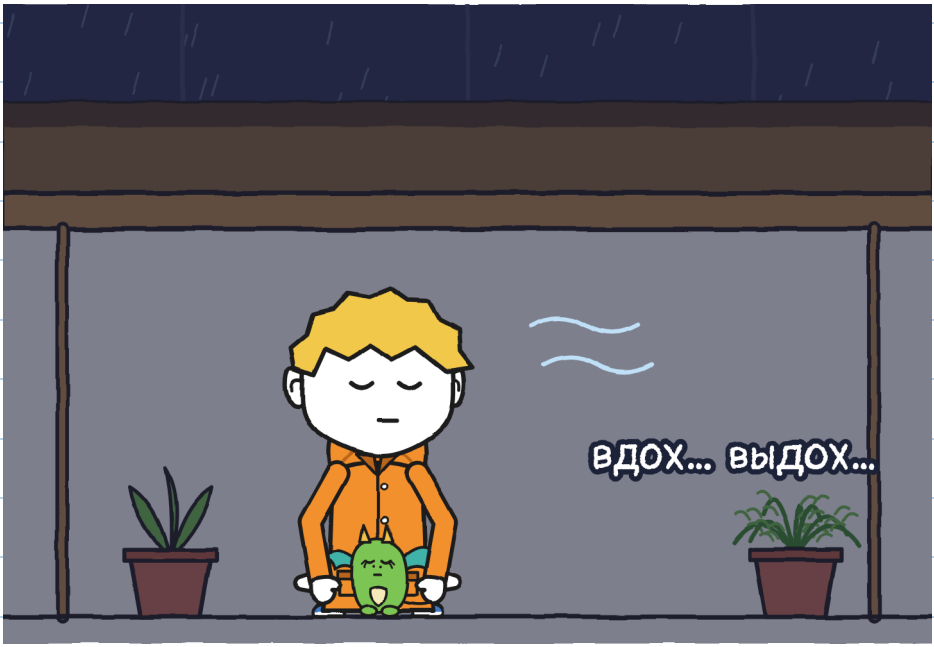
— А я — ждать того, что не приходит, — сказала Флора. — Потому в прошлые разы я открывала банку сразу, как только её приносили.



А я — мостики. Это вы уже знали. —Ю.

Никто не засмеялся. Дождь лил всё так же, но под грядкой я был уже не один.

Я дышал медленно. Крошка дышала медленно.



Молния. Мы вместе досчитали до девяти. Грррм.

И я не икнул. Ни от этого грома, ни от следующего.

— Сейчас! — прошептала Флора.

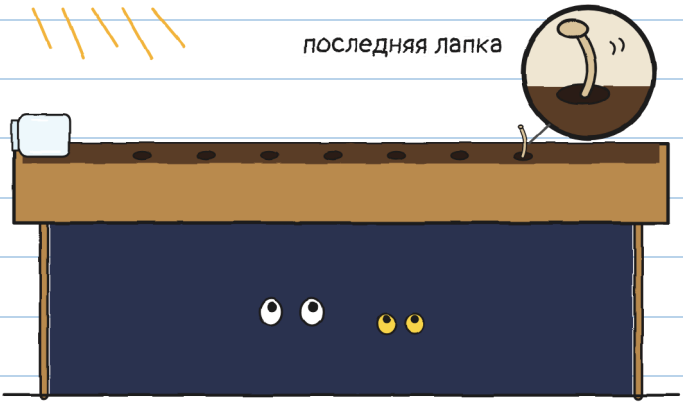
Юля на цыпочках вошла в темноте, поставила банку на мокрую землю и открыла её. Потом бесшумно вернулась к двери.

Тик, тик, тик. В темноте что-то выходило из банки.

Молния, совсем далеко. Мы считали без голоса, одними губами, до десяти слонов. Грррм.

Десять — последнее, что годилось.

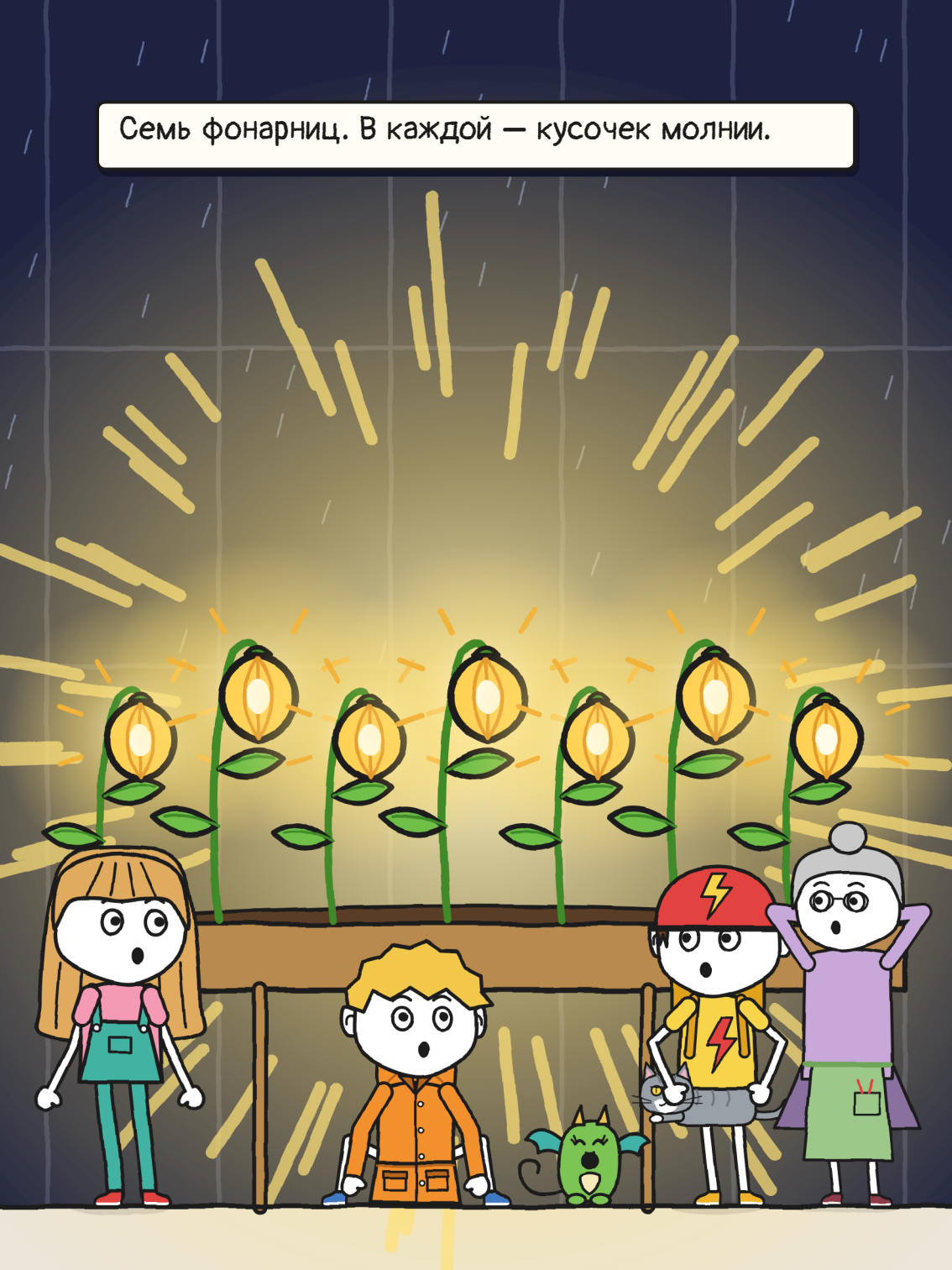
При следующей молнии мы увидели:



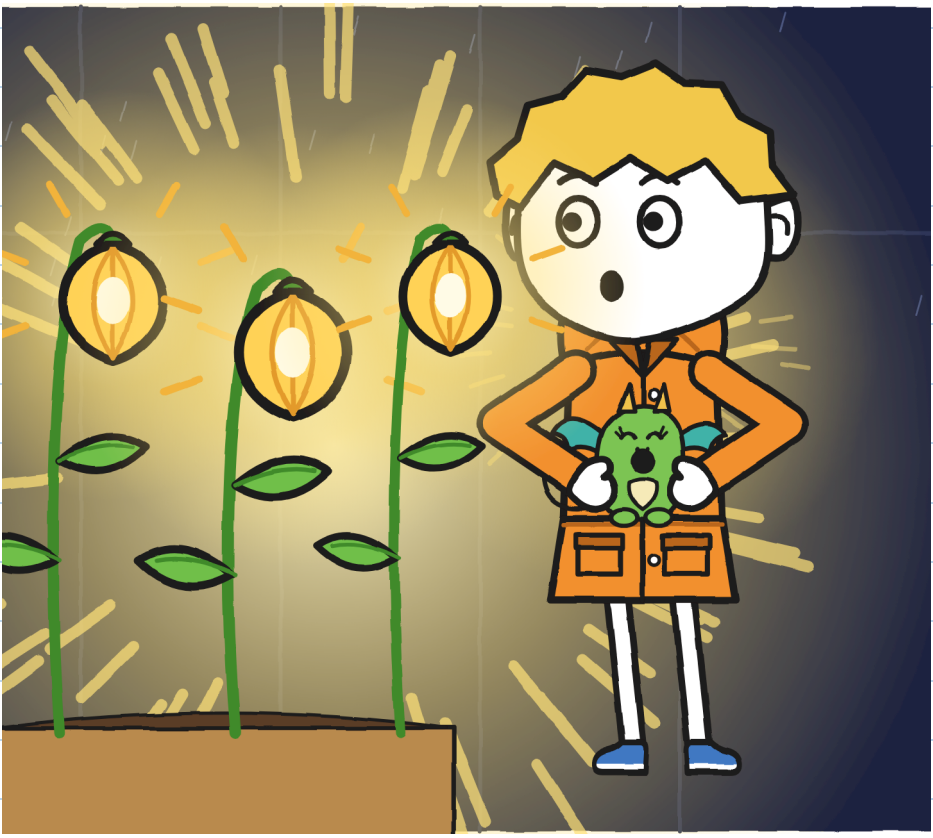
Банка была пуста. В земле было семь ямок, и в последней ещё торчала лапка.

Потом — какое-то время ничего. Только мы в темноте, смотрящие на грядку.

И тут зажглась первая.

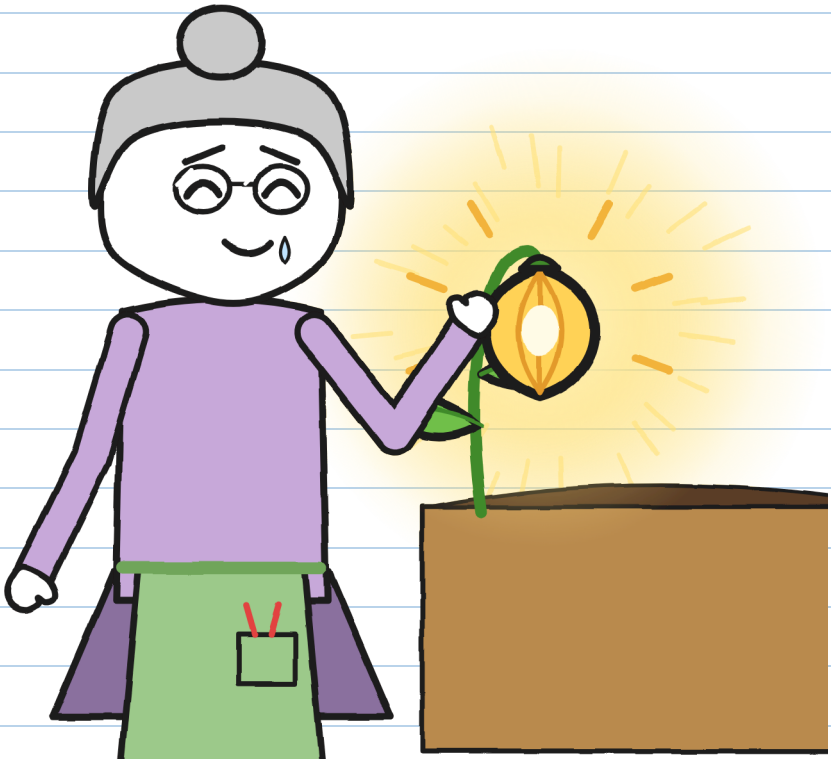

Семь фонарниц. В каждой — кусочек молнии.

Крошка не икнула. Она смотрела на фонарницы с открытым ртом, как я, и я понял, что она больше не повторяет мой страх. Она повторяла вот это.



Флора долго ничего не говорила. Потом дотронулась до одной фонарницы кончиком пальца, медленно, как трогают то, чего давно ждали.

— Вот такой была набережная, — сказала она.



Я тоже дотронулся до одной. Крошка тоже. Она была тёплой, как камень на солнце.

Флора повернула рукоятку, остановила дождь и достала ручку, чтобы расписаться.

Наконец-то.

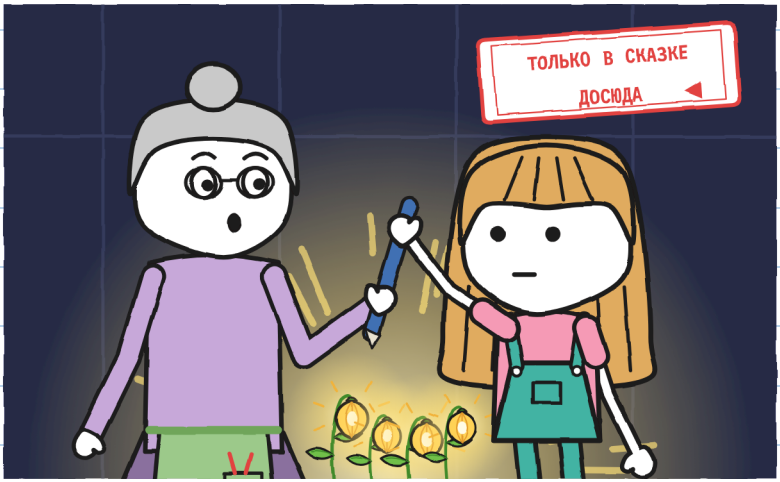
Юля остановила её двумя пальцами.

— Ещё нет.

Она всё смотрела на семь фонарниц.

— Не хватает восьмой. Я открыла банку раньше времени. Её надо найти.

Потом она пошла на кухню, отлепила этикетку от коробки и спрятала в карман комбинезона.



Доставлять — так целиком. —Ю.

Мы все вернулись на кухню.

— Двор ещё закрыт, — сказала Флора. — Пока не выходим.

Мы ждали, пока Юля не осталась без молний для счёта, а потом ещё полчаса после последнего грома. Дождь прекратился. Гроза ушла.

А восьмая была там, снаружи, где-то в темноте. Если она не успела найти землю, то снова уснула: ещё один камень. А без подписи Флоры на рассвете посылка No 2 вернётся на свою полку.

— Пойдём её искать, — сказала Юля.

Флора посмотрела в ночь. Потом трижды стукнула по ограде двора, которая является стеной Дома Драконов, как говорила Вера.

— На этот раз, — сказала она, — вы пойдёте не одни.

ГЛАВА 6

Восьмая

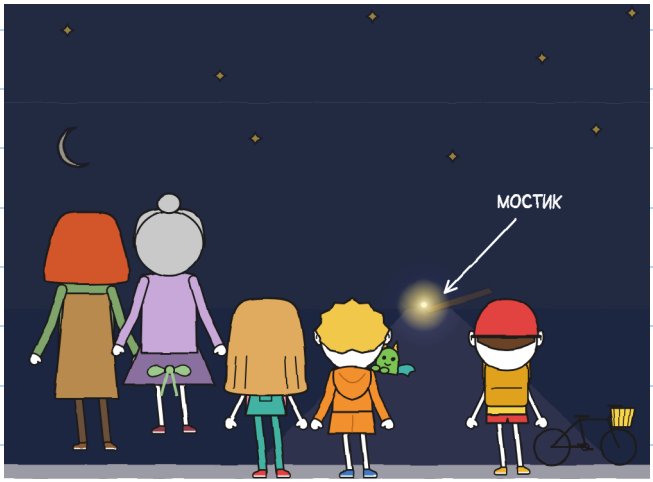
Мы вышли с Флорой и Верой, с фонарём и велосипедом. Юля несла пустую банку, а этикетка лежала у неё в кармане комбинезона; я нёс Крошку за пазухой дождевика. Она высовывала голову там, где у меня подбородок.

Мы искали во дворе, на дорожке, на берегу канала.

Ничего. Если восьмая заснула, она могла оказаться любым из этих мокрых камней.

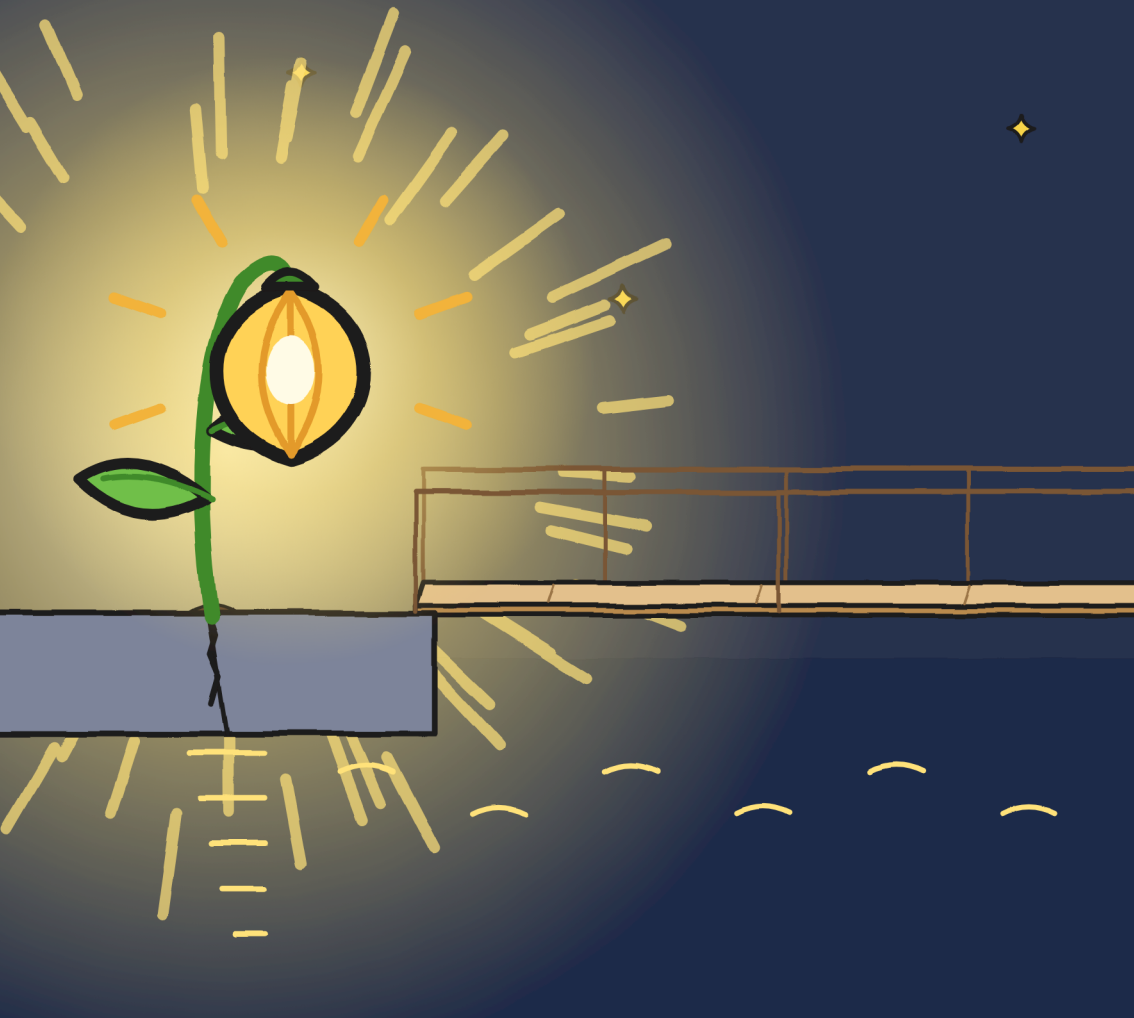
Фонарь вырывал блики у мокрых камней. Их было столько, что трудно было что-то разглядеть.
Тут я подумал: только что проросшая фонарница светила бы слабо. Мы искали огонёк при трёх включённых огнях: они его съедали.
— Подождите. Погасите всё.

Тоньо остановил велосипед, Вера убавила пламя в фонаре, а Флора выключила фонарик.
Мы замерли. В темноте, в конце набережной, появился огонёк.



У начала мостика.

Думаю, дождь смыл восьмую по дорожке на набережную, и она застряла в трещине между двумя камнями, где был палец мокрой земли, как раз там, где начинается мостик. Там она сама и укоренилась. Издали — огонёк. Вблизи — освещала всё вокруг.



Юля долго смотрела на мостик. При свете он казался другим: короче, шире, больше деревянным, чем водным.

Она поставила ногу на мостик. Только одну. Потом убрала.

Издали мне уже не страшно. Вблизи — почти тоже. —Ю.

— Эта остаётся здесь, — сказала Флора. — Она выбрала место.

Юля дала ей этикетку и свой зелёный фломастер, потому что мы уже знали, какие чернила не стираются. Флора расписалась тут же, при свете восьмой, и вернула фломастер.

Прощаясь у своей двери, Флора отдала мне свой дуршлаг:

— Оставь себе. Для следующей грозы. И скажи Маре, что давно пора.

Вера оставила Крошку в гнезде и повезла нас в магазин на своём фургоне, с велосипедом Тоньо позади, по автомобильному мосту: ночью Большой мост разводят для кораблей. Она высадила нас у двери магазина и вернулась к своим драконам.

В магазине было темно. Мары за прилавком не было.

Она сидела под ним.

— Уже прошло? — спросила Мара.

— Давным-давно, — сказала Юля.

Одеяло, наушники и ковшик вместо каски. Двадцать три доставки, и ни одной в грозу.

Теперь я понял, что за «дела» были у неё в магазине. Я передал ей слова Флоры. Мара надвинула ковшик до бровей.

— Я тоже боюсь грома, — сказал я ей.

Мара молча приподняла одеяло.

Я залез под прилавок к ней. Мы поместились.

Мара поставила для Тоньо вверх дном ящик для доставок рядом с табуретами.
— Твоё место. Пока что, — сказала она.

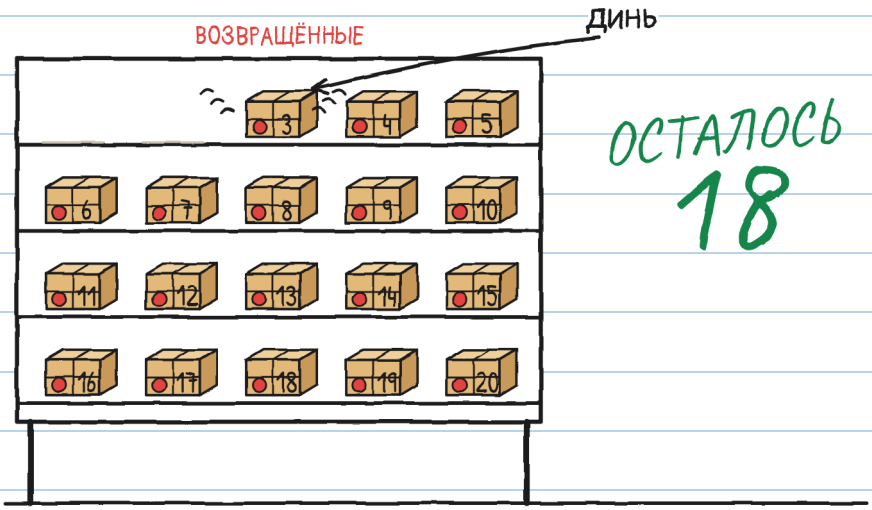
Тоньо сел и зелёным фломастером Юли дописал два слова мелким шрифтом на своём рюкзаке: «и кошек».

Теперь мелкий шрифт говорит правду. —Ю.

Я исправил свой план. Для гроз:

1. Считать слонов.
2. С кем-то.
3. Если я икну, ничего страшного.

И не говорить, что ты охотник за чем-то. —Ю.

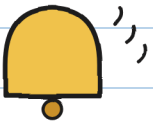


В ту ночь, перед тем как мы разошлись по домам, одна из возвращённых посылок зазвенела: динь. Как колокольчик. Посылка No 3.

На этикетке было написано:

№ 3

ДЛЯ ТОНЬОШИ



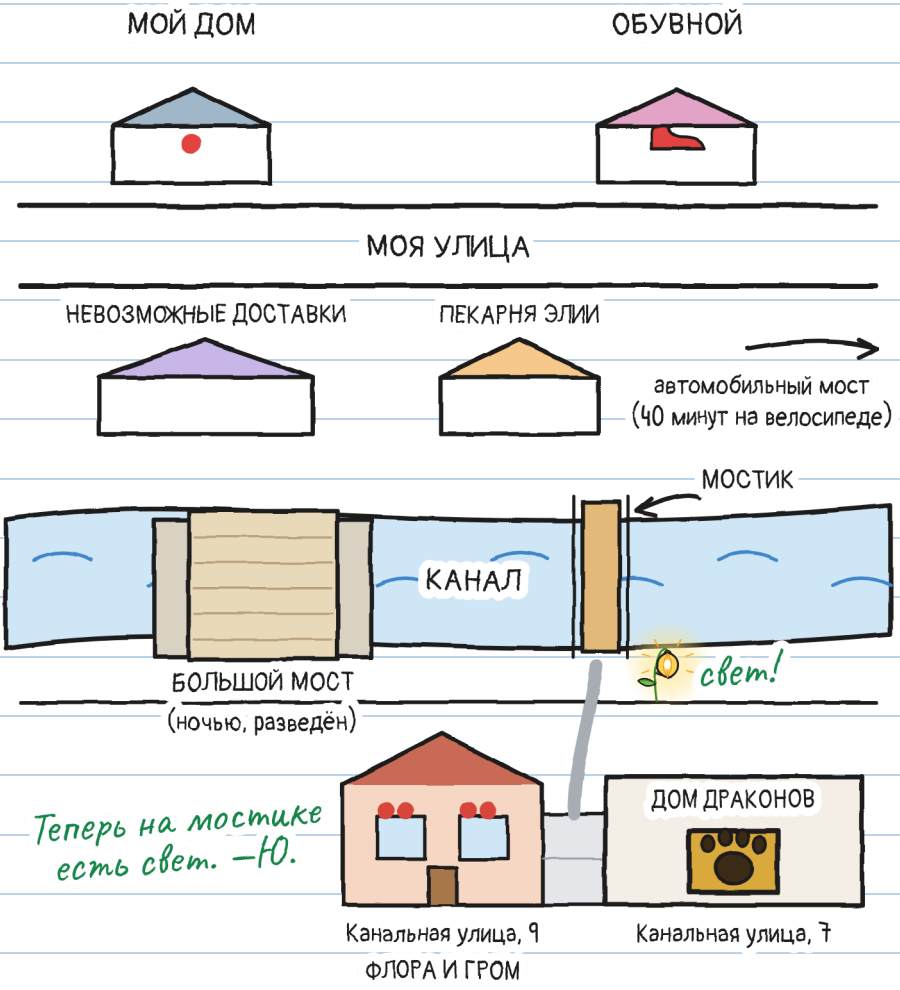
Тоньо стал цвета своей каски.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

(очень скоро)

Кто присылает посылки Тоньо? —Ю.

РАЙОН (версия 2)



У меня есть карточка R. Две первые улики — из тетради No 1. Я записал новые:

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О R.

R.

1. Ужасный почерк (говорит Мара).
2. Вера побледнела, увидев инициал.
3. Давно сажали фонарницы вместе с Флорой.
4. Поздно, но держит слово.
5. Сделали заколдованные стёкла Флоры.

6. Имя никто не называет. Это тоже улика. —Ю.

А ты? Кто, по-твоему, R.?

Я думаю, что R. — это...

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Есть шесть размеров, от 3 до 16 лет, и больше 20 языков. XXS, XS, S, M и L — те же страницы и те же рисунки. XL — это роман. Меняется только то, как рассказана история.

РАЗМЕР XXS · PRE-A1
ЮЛЯ ЛОВИТ СЕДЬМОЕ СЕМЯ.

РАЗМЕР XS · A1
На полу осталось одно семя. Юля его поймала. Семь.

РАЗМЕР S · A2
Ещё молния: на полу осталось только одно семя. Юля его поймала. Семь.

РАЗМЕР M · B1
При следующей молнии осталось только одно семя, и Юля его поймала. Семь.

РАЗМЕР L · B2
Когда снова сверкнула молния, на полу осталось одно-единственное семя, и Юля его поймала. Семь.

РАЗМЕР XL · B2-C1
Иллюстрированный роман · 13+

Уровни CEFR указаны приблизительно.

Каждому — свой размер. Гроза одна. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com

НАСТОЯЩАЯ ГРОЗА: ЧТО ДЕЛАТЬ

1. Если слышишь гром, даже далёкий, заходи в дом: молния уже может долететь до тебя.
2. Внутри, со взрослым, подальше от окон, дверей и стёкол. Никаких теплиц, мостов, деревьев и воды.
3. Не выходи, пока не пройдёт полчаса после последнего грома.
4. Счёт слонов помогает понять, близко или далеко ударила молния, и успокоиться. Он не говорит, когда можно выходить.

СЧИТАЙ СВОЮ ГРОЗУ

Из дома: считай слонов между молнией и громом.

Молния	Слоны	Километры (1 каждые 3, примерно)	Эта молния — ближе или дальше?
1	15	5	—
2	9	3	ближе